

RUSSIA: THE POLYPHONY OF CULTURAL MEANINGS AND SYMBOLS

DOI 10.15826/qr.2020.5.541
УДК 316.728 + 39(470.22) + 394.1:641

ПЕЧЬ, КАДКА И САМОВАР: СИМВОЛЫ СТАТУСА ХОЗЯЙКИ В КАРЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ*

Юлия Литвин

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия

THE STOVE, THE DOUGH BOWL, AND THE SAMOVAR: SYMBOLS OF A HOUSEWIFE'S STATUS IN TRADITIONAL KARELIAN CULTURE**

Yulia Litvin

Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia

Since the early twentieth century, anthropologists have been including issues related to food into their scholarly scope (B. Malinowski, E. Evans-Pritchard, C. Lévi-Strauss, etc.). Food-culture studies (or culinary culture) examine the production, distribution, consumption, and ingredients of food products and analyse elements of culture related to food. One of the directions of food-culture studies is the gender approach, which considers subordination in female communities and ethno-social factors. The article's aim is to study the attributes of the *bol'shukha's* power (Rus.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190092-2), программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

** Citation: Litvin, Yu. (2020). The Stove, the Dough Bowl, and the Samovar: Symbols of a Housewife's Status in Traditional Karelian Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1505–1518. DOI 10.15826/qr.2020.5.541.

Цитирование: Litvin Yu. The Stove, the Dough Bowl, and the Samovar: Symbols of a Housewife's Status in Traditional Karelian Culture // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1505–1518. DOI 10.15826/qr.2020.5.541 / Литвин Ю. Печь, кадка и самовар: символы статуса хозяйки в карельской традиционной культуре // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1505–1518. DOI 10.15826/qr.2020.5.541.

большуха) in Karelian peasant culture between the late nineteenth and early twentieth centuries, which was part of everyday practices and played a symbolic role in the in-group stratification of the female community. The author studies attributes connected with the “culinary” topic, i. e. the stove, the dough bowl, and the samovar, referring to testimonies of contemporaries published in the press. She also uses archival documents, the materials of ethnographic expeditions, and linguistic data (dialectal speech and dictionaries). The Russian history of the late nineteenth and early twentieth centuries was characterised by the preservation of certain elements of the rural population’s traditional lifestyle while it was being modernised in the course of reforms. For the purposes of the article, the author adds the samovar to the traditional symbols of a housewife (the stove and the dough bowl) as it had become widespread by the late nineteenth century and was placed on the women’s side of the table in Karelian households. Having certain household objects demonstrated a woman’s status in the in-group hierarchy. The research focus chosen by the author is relevant for cultural anthropology and women’s studies, helping us form an idea of how women organised and realised hierarchy within their communities. The gender approach adds to our knowledge about the social practices and life experience of women’s communities and takes into account factors of ethnicity.

Keywords: food-culture studies, traditional Karelian culture, gender approach, gender stratification.

С начала XX в. антропологи включали пищу в сферу исследовательских интересов (Б. Малиновский, Э. Эванс-Причард, К. Леви-Стросс). Характеристика культуры питания (*food-culture studies, culinary culture*) охватывает изучение производства, распределения, потребления и состава пищевых продуктов, а также включает анализ связанных с пищей элементов культуры. Одним из сюжетов изучения культуры питания является гендерный подход и субординация в женском коллективе с учетом этносоциального фактора. Цель статьи – рассмотреть атрибуты власти *большухи* в карельской крестьянской культуре конца XIX – начала XX в., которые были вписаны в повседневные практики и играли символическую роль во внутригрупповой стратификации женского коллектива. В качестве объекта были выбраны три атрибута, связанных «кухонной» темой: печь, кадка для теста и самовар. Основными источниками являются свидетельства современников конца XIX – начала XX в., опубликованные в прессе; архивные делопроизводственные документы; материалы этнографических экспедиций, включая авторские; данные лингвистики (образцы диалектной речи, словари). Российская история конца XIX – начала XX в. характеризовалась сохранением принципов традиционного уклада жизни сельских жителей и одновременно модернизировалась под влиянием реформ. Применительно к теме статьи печь и кадка – традиционные символы хозяйки – дополнились самоваром, получившим распространение к концу XIX в. и занявшим у карелов место на женской половине стола. «Владение» определенными предметами подчеркивало статус во внутригрупповой иерархии. Указанный исследова-

тельский фокус актуален для культурной антропологии и феминологии, дает представление о том, как женщины организовывали и реализовывали иерархические отношения внутри коллектива. Гендерный подход дополняет знания о социальных практиках и жизненном опыте женского коллектива с учетом этнического фактора.

Ключевые слова: культура питания, традиционная карельская культура, гендерный подход, гендерная стратификация.

Обращение к теме пищи неразрывно связано с развитием этнологии и культурной (социальной) антропологии в целом. В то же время в большинстве случаев еда не являлась центральной сферой интересов этнологов и антропологов, а включалась в исследовательское поле в связи с изучением других особенностей данного общества [Siewicz]. К. Леви-Стросс был первым, кто осмыслил феномен питания как символический процесс [Food and Cultural Studies; Siewicz; etc]. В российской антропологии и этнологии пища стала предметом внимания исследователей с 1970-х гг. Ученые анализировали систему питания как этническую традицию, социокультурный феномен, важнейший элемент материальной культуры народов. Огромный вклад в изучение пищи и питания внесли советские этнографы С. А. Арутюнян, Н. Л. Жуковская, С. А. Токарев и др. В постсоветской российской историографии традиция рассмотрения культуры питания различных этнических групп продолжается [Тимонина].

Интерес к гендерному символизму, женскому предметному миру в крестьянской культуре реализован в ряде исследований [Олсон, Адоньева; Щепанская, 2005а; Щепанская, 2005b; Кабакова; Кушкова и др.]. Так, Л. Олсон и С. Б. Адоньева на материалах Русского Севера рассмотрели ролевые модели и функциональные обязанности женщины на каждом этапе жизненного цикла во временной динамике, включая символы большухи. В энциклопедии «Мужики и бабы» обращение к символам хозяйки дома – кадке (деже), печи – вписано в отдельные статьи, посвященные пространственному делению дома на женскую и мужскую половины, женским праздникам. Г. И. Кабакова исследует различные обряды, в которых фигурируют печь и кадка, а также объясняет метафорическую соотнесенность данных предметов с женским чревом. В монографиях А. Н. Кушковой, И. И. Шангиной содержатся сведения о распространении культуры чаепития в России и о самоваре – статусном предмете крестьянского дома, показаны роли членов семьи за столом во время чаепития и правила поведения. Таким образом, в поле зрения авторов оказывается не только сама пища, но и тема символического значения продуктов питания и атрибутов, с ними связанных. Отдельные упоминания исследуемых объектов содержатся при описании пищи и утвари карелов [Тароева], обрядов жизненного цикла [Сурхаско; Paulaharju], застольного этикета [Лавонен]. Изучение символов большухи в карельской культуре

позволит дополнить знания о повседневных практиках взаимодействия внутри женского коллектива.

Историко-этнографические материалы, представленные отчетами этнографических экспедиций, документами волостных судов и приговорами сельских сходов, проливают свет на конфликтную сторону крестьянской повседневности, в частности, при решении имущественных споров. Поиск подобных прецедентов осложнялся социальной структурой, этноязыковой спецификой региона: обращения женщин в судебные инстанции повсеместно были редкими, в крае ситуация усугублялась незнанием карелками русского языка – языка делопроизводства. Эти и другие факторы (слабая сохранность дел «низовых» инстанций и т. д.) осложняют представление репрезентативной выборки. С долей условности укажем, что из 20 дел об имущественных спорах в шести фигурировал самовар (период конца XIX – начала XX в.)¹. Для автора важно было понять, фигурируют ли предметы кухонной утвари в делах волостных судов и какое им отводится место в документах. Для сбора сведений по указанной теме были предприняты экспедиционные выезды в районы проживания карелов (15 информантов в Петрозаводске Костомукше, Олонце)². Историко-этнографические источники дополнены данными словарей и образцами карельской речи – интервью, записанными российскими и финляндскими лингвистами для изучения диалектов карельского языка.

В статье речь идет о большой семье – расширенной или составной (отцовской или братской). В такой семье женщина проходила предусмотренные традицией этапы социализации. Объем статьи не позволил включить в текст некоторые сюжеты, например, роль исследуемых объектов в обрядах жизненного цикла, визуальные маркеры перехода из одного половозрастного статуса в другой.

Карелия и карельская семья в конце XIX – начале XX в.

В рассматриваемый период административно карелы (этнонимы – *karjalaizet*, *lyydiläizet*) входили в состав Олонецкой и Архангельской губерний. Неформально же Карелией называли области, заселенные преимущественно карельским населением. Традиционно в крае существуют три этнокультурные зоны – Южная, Средняя и Северная Карелия. Культура южных карелов формировалась в тесной связи с культурой русского и вепсского населения, они проживали в Олонецком и Петрозаводском уездах. Беломорские карелы обосновались в северо-западной части Кемского уезда и находились в контакте с поморами и финнами.

В основе разделения трудовых обязанностей в карельской семье лежал половозрастной принцип. Распределением работ на день зани-

¹ Речь идет о прошениях, в которых истцами выступали крестьянки, чаще всего в связи с нарушением их прав на приданое после семейного раздела.

² Материалы хранятся в ФА ИЯЛИ.

мался глава семьи, большак, обычно с вечера. Хозяйкой очерчивался круг задач, выполнявшихся по дому невестками и незамужними девушками. Содержание работ определялось производственным календарем, привязанным ко времени года. В этой связи любопытно обратить внимание на сужение и расширение «женского» пространства избы в зависимости от трудового цикла. Если летом пространственная ориентация крестьянского жилища имела четкую гендерную соотношенность³, то осенью и зимой она могла существенно расширяться, поскольку, помимо приготовления пищи, женщины занимались рукоделием [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 47. Л. 61].

Существенное влияние на экономику карельского крестьянского хозяйства оказывали неземледельческие занятия. Прежде всего речь идет об отхожих промыслах, во время которых трудоспособные взрослые мужчины, иногда вместе с девушками, отправлялись за пределы уезда на заработки⁴. В этом случае именно женщины почти на полугодовой период (осень – весна) выполняли не только свои привычные обязанности, но и функции главы семьи, в том числе представляя семью на сельском сходе. Недаром в промысловых местностях во время длительного отсутствия мужей дом считался женской сферой, а мужа называли «гостем» [Лавонен, с. 21].

Хозяйкой, большухой (*emäntä, emänty, emänd*) чаще всего становилась жена хозяина. Однако в братской семье хозяйкой могла стать младшая невестка, пришедшая из зажиточной семьи [Клементьев, Сурхаско, с. 260–278]. Пока «на большинстве» была свекровь, она готовила пищу, смотрела за маленькими детьми. Младшие невестки ухаживали за скотом, чинили одежду, выполняли мелкие поручения старших членов семьи, работали в поле [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 414. Л. 9]. Материалы о карелах прихода Салми Выборгской губернии подтверждают приведенные выше данные и детализируют их. Так, например, существовали занятия исключительно для невесток – уход за скотом, уборка, рукоделие, работа на огороде, молотья, выращивание льна, ношение воды. Иногда невестки участвовали в заготовке дров [Mannila, s. 59–61]. Процесс получения заданий на день был ритуализирован: поклон свекрови и просьба дать работу были способом укрепления внутренней иерархии семьи. Таким образом невестка получала возможность узнать о традициях ведения хозяйства в семье мужа и избежать конфликтов [Sarmela, p. 194]. Схожий обычай бытовал у русских Поморья [Бернштам, с. 130].

Штрихами обозначив некоторые черты трудового календаря карельской семьи, мы прояснили роль женщины, на которую была воз-

³ Традиционно изба делилась на мужскую половину, расположенную у передней стены по диагонали от печи, с «большим» или «мужским» углом (*suurićurru, ugošćurru*), и женскую, в пространство которой входила и «детская» половина (*akkojeñćurru* – бабий угол, *peğäćurru* – задний угол, *raščićurru* – печной угол) [Лавонен, с. 21; Орфинский, Гришина, с. 272].

⁴ Об участии карельских женщин в отхожих промыслах см.: [Литвин].

ложена двойная нагрузка во время отсутствия мужской части коллектива. Данные обстоятельства не в последнюю очередь определили высокий статус карелки в семье и сельском социуме. В Поморье – зоне межэтнического контактирования карелов и русских – чиновником и публицистом А. А. Чарушиным было сделано характерное наблюдение: «умная и энергичная женщина иногда так прибирает дом и хозяйство к рукам, что большак свою власть сохраняет номинально» [Чарушин]. Это описание во многом подходит для карельской семьи, особенно северной. Для обретения статуса большухи, символические атрибуты которого были связаны с пищевыми ресурсами – гарантиями экономического благополучия семьи, молодая женщина должна была пройти ряд этапов социализации. Обратимся к их рассмотрению в контексте статьи.

Печь и кадка – маркеры статуса хозяйки

Впервые войдя в дом мужа, молодая жена должна была «заручиться» поддержкой предков его семьи. Одним из первых действий, осуществлявшихся девушкой в статусе молодой жены, было установление «контакта» с печью – местом обитания предков (см. ил. 1). Войдя в избу, она бросала заранее приготовленную серебряную монету на печь или в запечье. Схожие действия осуществляла невестка в соседних с карелами вепских деревнях [Винокурова, с. 316]⁵. Антропологи указывали, что смысл данного действия заключался в жертвоприношении покровителю семьи и рода [Сурхаско, с. 173; Sarmela, p. 216]. Однако печь – это также метафора женского начала. В Беломорской Карелии существовало поверье, в котором прочитывается соотнесение устья печи с материнским лоном: «Когда поленья клали в печь, то надо было класть их комлем (то есть толстой частью дерева. – Ю. Л.) вперед, иначе дети могли родиться вперед ногами» [Конкка, с. 326]. С целью повышения своего репродуктивного здоровья в различных областях Финляндии новобрачная садилась на некоторое время перед устьем печи [Sarmela, p. 216]. Отношения с домашним очагом для молодой женщины были крайне важны: она могла унаследовать власть над печью только от свекрови и после рождения детей [Кабакова, с. 188]. Рождение ребенка не только обновляло иерархические отношения внутри конкретной семьи, но и расширяло права молодой матери в женском сельском сообществе. Данный «социальный лифт» отразился в карельском обычае навещать роженицу замужними родственницами и соседками [СКЯ, с. 171; Тароева, с. 138; Paulaharju, p. 54]. Схожий обычай бытовал у вепсов, а также в локальных традициях Русского Севера [Винокурова, с. 333; Щепанская, 2005b, с. 39].

⁵ Тогда как, например, в некоторых восточнославянских традициях (Подольская губерния) замужние женщины не позволяли молодой подходить к печи, тесно становясь и закрывая ее туловищами [Страхов, с. 157].

1. Хозяйка дома Романайнена поднимается из «каржины» (подполья), расположенной под избой. Фото И. К. Инхи. 1894. Ювалакша (карел. Jyväälähti)

The Romanainen housewife goes up the stairs from the cellar (*karel. karsina*), located under the peasant's house. Photograph by I. K. Inha. 1894. Yuvalaksha (*karel. Jyväälähti*)

Как отмечено выше, одной из основных обязанностей хозяйки было приготовление пищи в целом и контакт с хлебом в частности. Хлеб являлся символом богатства и счастья, репродукции, жертвы, обладал юридическим значением. Кроме того, «хлебная» утварь имела символическую функцию в системе женской внутрисемейной иерархии. Например, у карелов-ливвиков глаголы «стряпать», «хозяйничать» обозначались термином *emändöijä*, а существительные «стряпня», «кушанье» – понятием *emändus* (ср.: *emänty* – хозяйка) [СКЯ, с. 48]. Основа этих слов прибалтийско-финская – *‘emä* (мать, самка) [Suomen sanojen alkuperä, s. 104]. Таким образом, процесс приготовления пищи и главное действующее лицо в данном случае «слились» в термины, имеющие единую основу, указывающую на пол и социальный статус деятеля.

Необходимый предмет женской части дома – это кадка (*taiginane*, *taigin* – также в значении «опара, забродившее тесто»). Она являлась атрибутом хозяйки дома, символизировавшим ее обязанность и право печь хлеб для всей семьи: *Taiginan sotkendu oli tuaman ruado* – *Месить квашню было мамино дело* [СКЯ, с. 342]. Повсеместно в России простое прикосновение мужчины к женским орудиям труда оказывалось обоюдно опасным, особенно запрет на такой контакт относился к хлебной кадке [Кабакова, с. 225]. При анализе состава приданого, в который обычно входила кухонная утварь, обращает на себя внимание отсутствие кадки для теста. Обычно молодая привозила в дом мужа горшок, чугунок, котел, ведро, ушат, подойник, скалку, валец, прялку, а также некоторые сельско-

хозяйственные орудия [Сурхаско, с. 199]. Кадка для замешивания теста должна была перейти к женщине после того, как свекровь уже не могла выполнять свои функции⁶.

Введение в круг домашних работ также предполагало контакт с кадкой, дополнительное одаривание молодухой свекрови за посвящение в обязанности члена семьи. Большинство их связывалось с каким-нибудь хозяйственным делом, к которому молодуха приступала впервые. Так, известен обряд первого прикосновения невестки к квашне с тестом, после чего она должна была накрыть кадку платком или полотенцем, предназначенными в подарок свекрови [Сурхаско, с. 198]. Иной обряд был записан от вохтозерской сказительницы А. Ф. Никифоровой:

Как проснешься утром, умоешься... принесет [матушка] муки, принесет лукошко с мукой: «Вот мука!» Тут сама и думай [что делать]... А [до свадьбы] подсказывали, что, как [матушка] принесет муку, опусти руки в муку, пусть запачкаются руки в муке... [Макаров, Рягоев, с. 271].

Ритуал приобщения молодой к новому дому через контакт с кадкой был известен соседям южных карелов вепсам. У них он входил в послесвадебный банный ритуал и был направлен на то, чтобы свекровь и невестка жили в согласии [Винокурова, с. 60].

Символика хлеба и связанные с ним атрибуты присутствуют в обряде передачи большины. Так, у русских Вологодской области она происходила путем совместного приготовления рыбника свекровью и невесткой [Олсон, Адоньева, с. 89]. Автору удалось обнаружить следы бытования традиции в карельской культуре. Собеседница 1977 г. рождения рассказывала, что в один из праздничных дней, когда за столом собралась вся семья, ее мать произнесла:

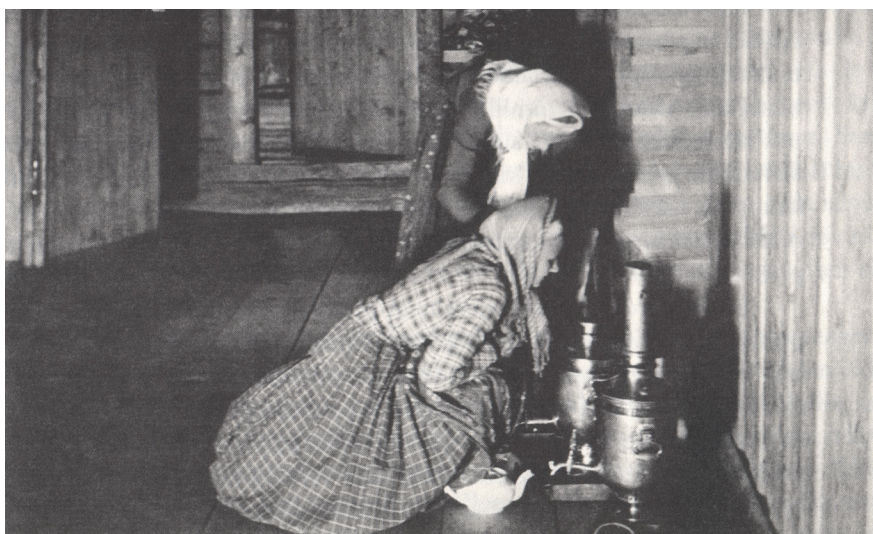
Ну, доченька, бедняжка, родная, сейчас твое время настало. Мои ноги больше не выдерживают. Здесь твоя лопатка для пирогов. Сейчас твоя очередь пришла – вот хозяйство, вот дом, калитки пеки.

С этими словами она отдала 30-летней дочери хлебную лопату. Право выпекать традиционное карельское блюдо было передано младшей незамужней дочери, которая жила с ней. Этот факт указывает на трансформацию традиции, согласно которой сложение большины сопряжено со сменой социальных статусов: невестки – на бабу после рождения у нее детей, свекрови – на старуху (в социокультурном смысле слова) после появления внуков [Олсон, Адоньева, с. 75; Винокурова, с. 60; Sarmela, p. 158].

⁶ В этой связи процитируем текст, бытовавший в Северном Белозерье – на сопредельной с Карелией территории. В нем упоминаются предметы, символизирующие переход власти от большухи к невестке: «Слава тебе, Господи, / Свекровка умерла! / Все мутовочки, квашоночки / Мне передала» [Духовная культура Северного Белозерья, с. 42].

Самовар на женской половине стола

Одним из направлений модернизации карельской кухни стало распространение самоваров (*samovuaga*, *samvuagu*) в деревнях и культуры чаепития. Карелы были большими любителями чая и кофе. Эти напитки стали популярны в крае во второй половине XIX в., попадая в Карелию преимущественно из Финляндии посредством разносной торговли. Чаем поили гостей, его обязательно заваривали во время праздников, а наличие в доме самовара являлось символом зажиточности хозяйства (ил. 2). В семьях с небольшим достатком чай заваривали в котле [Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века, с. 145].

2. Когда много гостей, разжигают два самовара.
Фото И. К. Инхи. 1894. Ювалакша (*карел.* Juvöälahti)

When there are many guests, two samovars are set to boil.
Photograph by I. K. Inha. 1894. Yuvalaksha (*karel.* Juvöälahti)

Со временем в Карелии самовар получил место на женской половине стола, возле хозяйки⁷ [Лавонен, с. 126]. Данная традиция утверждалась не везде. Например, в северодвинском доме чай также разливала хозяйка или старшая дочь [Бернштам, с. 101; Кулешов, с. 256]. В то же время в Череповецком уезде Новгородской губернии в конце XIX в. за разливание чая по чашкам отвечал хозяин [Кушкова, с. 77].

В конце XIX в. хорошие самовары нередко давали дочерям в приданое [Шангина, с. 453; СКЯ, с. 419]. Поскольку приданое считалось

⁷ При этом обращает на себя внимание соотносительность формы самовара с мужским репродуктивным органом. Карельская загадка: «Загорелся в середке, / У доброго молодца / Покаплю с конца». Отгадка: кран самовара [Лойтер, с. 164].

неотъемлемой собственностью женщины, все вопросы, связанные с нарушением этого права, могли отразиться в делопроизводственных документах. Так, например, в июне 1906 г. крестьянка деревни Спас-ская Губа обратилась к волостному старшине с прошением об изъятии ее приданного самовара из списка вещей, которые планировалось отдать за недоимки свекра [НА РК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 26/1206]. В архиве сохранились примеры других прецедентов, когда в качестве объекта имущественных споров фигурировал самовар [НА РК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 3/567; Д. 8/603; Ф. 110. Оп. 1. Д. 3/24; Ф. 125. Оп. 1. Д. 8/13 и др.]. Традиция включать самовар в состав приданого сохранялась по крайней мере до начала Второй мировой войны [Макаров, Рягоев, с. 85].

Во время поездки 2018 г. к олонекским карелам автору статьи удалось зафиксировать данный обычай и его значимость с точки зрения статусных позиций внутри женского коллектива. Отрывок приведен практически полностью (стиль собеседницы сохранен):

– Раньше спрашивали друг у друга: еще ли за крана держат?

– Еще ли за крана держат? (Ю. Л.)

– Угу. Значит, еще она хозяйка в доме. Если кран снимут, то все, хозяйкой не будет... (Смеется.) Дочка [свекрови] приехала с мужем. И мы собирали стол. Мы пирогов-то там повкуснее [напекли], что-то вместе сделаем. И вот поднимет самовар. Я говорю: «Ой, самовар тут, много народу – мешать будет... Давайте, на тумбочку тут [переставлю со стола]». Ведь так было бы по-теперешнему уютнее – вся еда, и в кругу сидеть, а самовар полстола займет... Как она подняла шум да гам... [Свекровь говорит]: «Ага, уже с крана меня снимает!» Да нафиг он нужен мне, этот кран! (Смеется.) Нельзя спокойно кушать – все наливай одному да второму... Наливала только она, кран стоял в ее сторону. Она владела чаем и самоваром. У всех было так [ФА ИЯЛИ. № 3857].

Рассказчица вела речь о 1960-х гг. В этом отрывке отражена угасающая традиция южных карелов – невестка уже не была заинтересована в подтверждении своего статуса посредством «владения краном» и правом разливать чай. Расположение самовара на женской половине стола подтверждают данные от некоторых других собеседников, которые, однако, не содержат столь развернутую информацию о традиции [ФА ИЯЛИ. № 3865–3875].

Структура большой патриархальной семьи предполагала строгую иерархическую систему взаимоотношений, перемещение внутри нее зависело от пола, возраста и статуса человека. Этапы социализации и смена ролей женщины (от невестки к молодой и большухе) были вписаны в повседневную жизнь. Традиционные атрибуты женской власти были связаны с хозяйственными функциями и пищевыми ресурсами семьи: кадка находилась в руках большухи, а выпечка хлеба была ее правом и обязанностью. Подобные негласные правила укрепляли стратификацию внутри женского коллектива. Новации конца

XIX в. включались в систему традиционных социальных отношений, в том числе в структуру вертикальных связей внутри женского коллектива. Такая адаптация коснулась самовара, который являлся символом зажиточности, включался в состав приданого молодой карелки, занял место на женской половине стола.

Дальнейшее изучение подобных сюжетов позволит комплексно исследовать структуру крестьянской повседневности.

Список литературы

- Бернишам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. : этногр. очерки. Л. : Наука, 1983. 231 с.
- Винокурова И. Ю.* Мифология велсов : энциклопедия. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
- Духовная культура Северного Белозерья : этнодиалектный словарь* / отв. ред. И. А. Морозов. М. : ИЭА РАН, 1997. 432 с.
- Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001. 334 с.
- Клементьев Е. И., Сурхаско Ю. Ю.* Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М. : Наука, 2003. С. 260–278.
- Конка А. П.* Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.) : Исследования. Материалы. Документы / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2014. С. 320–332.
- Кулешов А. Г.* Посуда в северодвинском застолье // Традиционное русское застолье : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М. : ГРЦРФ, 2008. С. 250–257.
- Кушкова А. Н.* Крестьянская ссора. Опыт изучения деревенской повседневности : По материалам Европейской части России второй половины XIX – начала XX века. СПб. : Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2016. 318 с.
- Лавонен Н. А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск : Периодика, 2000. 175 с.
- Литвин Ю. В.* Неземледельческие занятия карелов в конце XIX – начале XX в. (этногендерный аспект) // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской) / науч. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2017. С. 97–115.
- Лойтер С. М.* Устно-поэтическое искусство села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура / отв. ред. Т. В. Краснополяская, В. П. Орфинский. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 159–167.
- Макаров Г. Н., Рязоев В. Д.* Образцы карельской речи : Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л. : Наука, 1969. 283 с.
- Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века* / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л. : Наука, 1981. 262 с.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 47, 414.
- НА РК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 26/1206; Ф. 109. Оп. 1. Д. 3/567, 8/603; Ф. 110. Оп. 1. Д. 3/24; Ф. 125. Оп. 1. Д. 8/13.
- Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс : Миры русской деревенской женщины. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 440 с.
- Орфинский В. П., Гришина И. Е.* Традиционный карельский дом. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. 480 с.
- СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. и ред. Г. Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990. 496 с.
- Страхов А. Б.* Культ хлеба у восточных славян. Мюнхен : Изд-во Отто Сагнера, 1991. 244 с.
- Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX века). Л. : Наука, 1977. 236 с.

- Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : этногр. очерк. М. ; Л. : Наука, 1965. 223 с.
- Тимонина Н. Р. Материалы к библиографии по пище и застолью народов России // Традиционное русское застолье : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М. : ГРЦРФ, 2008. С. 324–351.
- ФА ИЯЛИ. № 3857, 3865–3875.
- Чарушин А. А. Имущественные отношения в крестьянской семье // Исследования Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 10. С. 411–418.
- Шангина И. И. Русский традиционный быт : энцикл. словарь. СПб. : Азбука-Классика, 2003. 684 с.
- Щепанская Т. Б. Бабий кут // Мужики и бабы : Мужское и женское в русской традиционной культуре : илл. энцикл. / науч. ред. И. И. Шангина. СПб. : Искусство-СПб, 2005а. С. 30–35.
- Щепанская Т. Б. Бабняк // Мужики и бабы : Мужское и женское в русской традиционной культуре : илл. энцикл. / науч. ред. И. И. Шангина. СПб. : Искусство-СПб, 2005б. С. 37–43.
- Food and Cultural Studies / ed. by B. Ashley, J. Hollows, S. Jones, B. Taylor. L. : Routledge, 2004 // Questia Online Library : [website]. URL: <https://www.questia.com/library/107537085/food-and-cultural-studies> (accessed: 23.12.2018).
- Mannila O. Karjalainen suurperhe ja sen hajoaminen Salmin kihlakunnassa // Helsingin yliopiston sosiologian laitoksen tutkimuksia. Helsinki : Helsingin yliopisto, 1969. 156 s.
- Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 247 s.
- Sarmela M. Finland Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland 2. 4th ed. / transl. by A. Silver. Helsinki : [S. n.], 2009. 669 p.
- Siewicz A. Anthropology as an Inspiration to Food Studies: Building Theory and Practice // Antropowebzin : [website]. 2011. № 3. P. 143–148. URL: <http://www.antropoweb.cz/en/anthropology-as-an-inspiration-to-food-studies-building-theory-and-practice> (accessed: 10.02.2019).
- Suomen sanojen alkuperä : Etymologinen sanakirja : 3 vols. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. Vol. 1. 486 s.

References

- Ashley, B., Hollows, J., Jones, S., Taylor, B. (Eds.). (2004). Food and Cultural Studies. L., Routledge. In *Questia Online Library* [website]. URL: <https://www.questia.com/library/107537085/food-and-cultural-studies> (accessed: 23.12.2018).
- Bernshtam, T. A. (1983). *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v. Etnograficheskie ocherki* [The Russian Folk Culture of Pomorye in the 19th – Early 20th Centuries. Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka, 231 p.
- Charushin, A. A. (1916). Imushchestvennye otnosheniya v krest'yanskoi sem'e [Property Relations in the Peasant Family]. In *Issledovaniya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. No. 10, pp. 411–418.
- FA IYaLI [Audio Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. No. 3857, 3865–3875.
- Kabakova, G. I. (2001). *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoi traditsii* [The Anthropology of the Female Body in the Slavic Tradition]. Moscow, Ladomir. 334 p.
- Klement'ev, E. I. (Ed.). (1981). *Material'naya kul'tura i dekorativno-prikladnoe iskusstvo segozerskikh karel kontsa XIX – nachala XX veka* [The Material Culture and Arts and Crafts of Karelians in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Leningrad, Nauka. 262 p.
- Klement'ev, E. I., Surkhasko, Yu. Yu. (2003). Sem'ya i obryady zhiznennogo tsikla [Family and Life Cycle Rites]. In Klement'ev, E. I., Shlygina, N. V. (Eds.). *Pribaltiisko-finskii narody Rossii*. Moscow, Nauka, pp. 260–278.
- Konkka, A. P. (2014). Grekhi i zaprety v povsednevnom i obryadovom povedenii kak chast' traditsionnoi kartiny mira u karelov [Sins and Taboos in Everyday and Ritual Behaviour as Part of the Traditional Worldview among Karelians]. In Ilyukha, O. P.

(Ed.). *Kul'tura povsednevnosti karel'skoi sem'i (konets XIX – pervaya tret' XX v.). Issledovaniya. Materialy. Dokumenty*. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 320–332.

Kuleshov, A. G. (2008). Posuda v severodvinskom zastol'e [Dishes of the Severodvinsk Feast]. In Kargin, A. S. (Ed.). *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 250–257.

Kushkova, A. N. (2016). *Krest'yanskaya ssora. Opyt izucheniya derevenskoi povsednevnosti. Po materialam evropeiskoi chasti Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [The Peasant Quarrel. An Attempt at Studying Rural Everyday Life. According to Materials from the European Part of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 318 p.

Lavonen, N. A. (2000). *Stol v verovaniyakh karelov* [The Table in the Beliefs of Karelians]. Petrozavodsk, Periodika, 175 p.

Litvin, Yu. V. (2017). Nezemledeľcheskie zanyatiya karelov v kontse XIX – nachale XX v. (etnogensernyi aspekt) [Karelian Nonagricultural Work in the Late 19th – Early 20th Centuries (Ethno-Gender Aspect)]. In Vinokurova, I. Yu. (Ed.). *Istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Karelii i sopredel'nykh oblastei v svete novykh istochnikov, metodov i podkhodov (pamyati R. F. Nikol'skoi)*. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 97–115.

Loiter, S. M. (1997). Ustno-poeticheskoe iskusstvo sela Suisar' [Oral and Poetic Art of Suysar Village]. In Krasnopol'skaya, T. V., Orfinskii, V. P. (Eds.). *Selo Suisar': istoriya, byt, kul'tura*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 159–167.

Makarov, G. N., Ryagoev, V. D. (1969). *Obraztsy karel'skoi rechi. Govory livvikovskogo dialekta karel'skogo yazyka* [Samples of Karelian Speech. The Livvi Dialect of the Karelian Language]. Leningrad, Nauka. 283 p.

Mannila, O. (1969). Karjalainen suurperhe ja sen hajoaminen Salmin kihlakunnassa. In *Helsingin yliopiston sosiologian laitoksen tutkimuksia*. Helsinki, Helsingin yliopisto. 156 p.

Morozov, I. A. (Ed.). (1997). *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozera 'ya. Etnodialektnyi slovar'* [The Spiritual Culture of North Belozero. An Ethno-Dialect Dictionary]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 432 p.

NA KarNTs RAN [Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. Stock 1. List 29. Dos. 47, 414.

NA RK [National Archives of the Republic of Karelia]. Stock 53. List 3. Dos. 26/1206; Stock 109. List 1. Dos. 3/567, 8/603; Stock 110. List 1. Dos. 3/24; Stock 125. List 1. Dos. 8/13.

Olson, L., Adon'eva, S. (2017). *Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny* [Tradition, Transgression, Compromise. The Worlds of Russian Village Women]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 440 p.

Orfinskii, V. P., Grishina, I. E. (2009). *Traditsionnyi karel'skii dom* [The Traditional Karelian House]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 480 p.

Paulaharju, S. (1995). *Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 247 p.

Sarmela, M. (2009). *Finland Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland 2*. 4th ed. / transl. by A. Silver. Helsinki, S. n. 669 p.

Shangina, I. I. (2003). *Russkii traditsionnyi byt. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Traditional Life. An Encyclopaedic Dictionary]. St Petersburg, Azbuka-Klassika. 684 p.

Shchepanskaya, T. B. (2005a). Babii kut [The Woman's Angle]. In Shangina, I. I. (Ed.). *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya*. St Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 30–35.

Shchepanskaya, T. B. (2005b). Babnyak [Babnyak – Adult Married Women]. In Shangina, I. I. (Ed.). *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya*. St Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 37–43.

Siewicz, A. (2011). Anthropology as an Inspiration to Food Studies: Building Theory and Practice. In *Antropowebzin* [website]. No. 3, pp. 143–148. URL: <http://www.antropoweb.cz/en/anthropology-as-an-inspiration-to-food-studies-building-theory-and-practice> (accessed: 10.02.2019).

SKYa – Makarov, G. N. (Ed.). (1990). *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskii dialekt)* [Karelian Language Dictionary (The Livvi Dialect of the Karelian Language)]. Petrozavodsk, Kareliya. 496 p.

Strakhov, A. B. (1991). *Kul't khleba u vostochnykh slavyan* [The Cult of Bread among the Eastern Slavs]. München, Izdatel'stvo Otto Sagnera. 244 p.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1. 3 Vols. (1992). Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Vol. 1. 486 p.

Surkhasko, Yu. Yu. (1977). *Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX – nachalo XX veka)* [Karelian Wedding Rites (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Leningrad, Nauka. 236 p.

Taroeva, R. F. (1965). *Material'naya kul'tura karel (Karel'skaya ASSR). Etnograficheskii ocherk* [Karelian Material Culture (Karelian ASSR). An Ethnographic Essay]. Moscow, Leningrad, Nauka. 223 p.

Timonina, N. R. (2008). Materialy k bibliografii po pishche i zastol'yu narodov Rossii [Biographical Material on Russian Food and Feasts]. In Kargin, A. S. (Ed.). *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 324–351.

Vinokurova, I. Yu. (2015). *Mifologiya vepsov. Entsiklopediya* [The Mythology of the Vepsians. An Encyclopaedia]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 524 p.

The article was submitted on 16.02.2019